

А. Е. Лысенко

ИСКУССТВО ВОЗМОЖНОГО: ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ УКРАИНЫ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1920–1940-е гг. оказались, пожалуй, самыми сложными и неоднозначными в истории Православной церкви. Судьбоносные катаклизмы революции, интервенции и Гражданской войны резко изменили не только общественно-политическую конфигурацию, но и моральные устои украинского социума. А масштабные социально-экономические эксперименты в сочетании с административно-репрессивными методами управления странной, практиковавшимися большевистским режимом, практически не оставляли места для полноценной религиозной жизни.

Указанный период для Православной церкви обозначен, прежде всего, действием такого фактора, как необходимость выбора. Собственно и вероисповедный императив христианства сконцентрирован вокруг проблемы выбора человека между добром и злом. Но когда речь заходит о такой сфере, как государственно-церковные отношения в 20–30-е гг., категоричные подходы и оценки не срабатывают или являются малопродуктивными.

Призыв митрополита Сергия (Страгородского), который в это время являлся местоблюстителем патриаршего престола, к сотрудничеству с большевистскими властями многими православными иереями, особенно в эмиграции, был воспринят почти как предательство Церкви.

Однако тот, кто внимательно изучал историю сталинизма и знаком с характером политики советского руководства и особенностями функционирования государственного механизма, должен согласиться, что другого выбора у тогдашнего первоиерарха РПЦ не было. Сокрушительный вал воинствующего атеизма быстро превратился из чисто идеологической в репрессивно-карательную кампанию, в которой лишь компромисс и демонстрация полной лояльности к «кремлевским мечтателям» давали какой-то шанс защитить церковную структуру от полного разгрома.

Конечно, с позиций сегодняшнего дня и, применяя сослагательное наклонение, можно рассуждать и предполагать, каким образом развивались бы события, если бы первоиерарх РПЦ проявил неприемлимое отношение к «диктатуре пролетариата». Зато известно, что даже после обращения митрополита Сергия политический курс на всемерное ограничение деятельности Православной церкви не претерпел коррекции. Более того, его стратегической целью открыто провозглашалось полное уничтожение Церкви и искоренение религиозного сознания. Убедительным доказательством этого являются решения политбюро ЦК КП(б)У о закрытии православных приходов (как и всех других конфессий) вплоть до самого начала агрессии Германии против СССР. Кроме того, духовенство стало одним из объектов «Большого террора» 30-х гг., что лишало Православную церковь руководящего звена, архиереев и значительной части рядового клира.

К началу Второй мировой войны в подсоветской Украине осталось на легальном положении около 100 православных священников, однако и им власть запрещала богослужения. В Винницкой, Сталинской, Донецкой, Кировоградской, Николаевской, Сумской, Хмельницкой областях были закрыты все православные храмы, на Луганщине, Полтавщине и Харьковщине действовало по одному приходу¹.

С 1918 до начала 1940-х гг. в Советском Союзе погибло почти 42 тыс. священнослужителей².

На украинских этнических землях в составе III Речи Посполитой во второй половине 20 – середине 30-х гг. осуществлялась политика ассимиляции. При этом осуществлялись дифференцированные региональные подходы. Так, глава Волынского воеводства, где Православная церковь имела прочные позиции, Г. Юзефский стремился «приобретать» украинское население для польской государственности путем ее изоляции от «сепаратистского движения со стороны Восточной Галиции из-за укрепления так называемой сокальской конфессиональной границы»³. Воевода придерживался линии «толерантности к украинскому движению в Православной церкви и решительного противодействия неоунийной акции»⁴. Но наряду с украинизацией православия (внедрением украинского языка в дела церковного управления и богослужебной практики, школьное рели-

---

¹ Беркоф К. Чи було релігійне відродження в Україні під час нацистської окупації? // Укр. іст. журн. 2005. № 3. С. 17.

² Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 168.

³ Chojnowski A. Koncepcja narodowosciowej polityki rzadow polskich w latach 1921–1939. Warszawa; Wrocław; Krakow; Gdansk, 1979. S. 98.

⁴ Там же.

гиозное образование) воеводская администрация пыталась усилить польские влияния, в частности в ходе катехизации учащихся школ с польским языком обучения, если этому не оказывало сопротивление местное украинское население⁵.

В Люблинском воеводстве ассимиляционные тенденции приобрели еще более выразительный характер, что нашло проявление, в частности, в инфльтрационной кампании «очищения приходов от священников и других лиц, которые считались политиканствующими украинцами»⁶.

В конце 30-х гг. дошло до ревизикационно-полонизационных акций в самых грубых формах, которые можно квалифицировать как конфессиональный террор (даже при осторожном отношении автора к таким утверждениям). Владыка Волынский Алексей (Громадский), секретарь Волынской консистории И. Власовский и другие православные деятели, как и преобладающая часть паствы, негативно оценивали не только официальный курс Варшавы в отношении украинского православия, но и перспективы понимания в противоречивом конфессиональном поле между Православной церковью и радикальным польским политиком⁷.

Сочетая ревизикационные и пацификационные меры, польские власти только в течение июня–июля на Подляшье и Холмщине уничтожили 112 храмов, в том числе 98 тех, которые были возведены еще до заключения Брестской унии⁸.

«Пакт Молотова–Риббентропа» резко изменил ситуацию. В состав Генерального губернаторства отошли левобережный Надсянье, Лемковщина, Подляшье и Холмщина, а Волынь и Восточная Галиция «воссоединились» с УССР. Значительная часть из 500 тыс. украинцев, оставшихся в немецкой зоне оккупации, принадлежали к Варшавско-Холмской епархии во главе с первоиерархом Православной церкви на землях бывшей Польши митрополитом Дионисием (Валединским).

Волынская, Полесская, Виленская и Гродненская епархии попали в советскую зону. Сразу встал вопрос об организации управления в этих епархиях и Синод в составе архиепископов Полесского и Пин-

---

⁵ Из печати. Нужды и задачи церковной жизни // Воскресное чтение. 1933. № 8. С. 125–126.

⁶ Стоколос Н. Г. Конфесійно-етнічні трансформації в Україні (XIX – перша половина XX ст.). Рівне, 2003. С. 213.

⁷ Власовський І. Митрополит Олексій Громадський: 1943–1963 // Українське Православне Слово. 1963. № 8. С. 7.

⁸ Пастернак Є. До 45-ліття руйнування українських православних церков на Холмщині та Підляшші // В обороні віри: Зб. статей. Присвячений 1000-літтю хрещення України в 988 р. Торонто, 1984. Ч. 5. С. 388.

ского Александра и Волынского и Кременецкого Алексея засвидетельствовал в конце 1939 г. свою приверженность статус-кво, т. е. подчинение митрополиту Дионисию.

В Москве должны были считаться с тем, что с территориальными приобретениями советская власть унаследовала и проблему функционирования более 3 тыс. православных приходов, 64 монастырей (19 – в Западной Украине), духовных учебных заведений, а также судьбу 7,5 млн верующих⁹.

Не отказываясь от основных принципов антицерковной политики, сталинский режим был вынужден действовать в только что присоединенных регионах несколько сдержаннее. Впрочем, при этом шантаж, экономические санкции, фискальные меры, агентурные акции спецслужб как апробированные средства подавления инакомыслия превратились здесь в ежедневную практику. В сочетании с арестами, депортациями и физическим уничтожением духовенства и религиозного актива все это приобретало очертания террора.

Как вполне естественное явление в Кремле воспринималась необходимость решения чисто конфессиональных вопросов. Там и предположить не могли, чтобы огромная масса приходов и церковная иерархия подчинялась какому-то зарубежному центру. Летом 1940 г. всех иерархов западных областей Белоруссии и Украины вызвали в столицу, где заставили выполнить все формальности вхождения под омофор РПЦ. Архиепископы Алексей (Громадский) и Пантелеймон (Рожновский), епископы Антоний (Марченко) и Симон (Ивановский) приняли «молитвенно-каноническое единение с Матерью-Церковью Московской». Зато архиепископ Полесский и Пинский Александр (Иноземцев) и епископ Луцкий Поликарп (Сикорский) выбрали другой путь – они ослушались власти и в Москву не прибыли. Александра (Иноземцева) сразу отправили за штат, а Поликарпа (Сикорского) просто проигнорировали, назначив на его место с титулом архиепископа Волынского и Луцкого Николая Ярушевича, на которого одновременно возлагались обязанности экзарха Украины. В марте 1941 г. последнего возвели в сан митрополита.

Этот шаг советской правящей верхушки являлся частью многоходовой комбинации, разыгрывая которую, она стремилась сначала усилить позиции РПЦ в регионе, после чего ее же руками уничтожить Греко-католическую и ослабить позиции Римско-католической церкви в Галиции и, наконец, ликвидировать саму Православную церковь.

---

⁹ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве: государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах. М., 1992. С. 102.

Оказались ли готовы архиереи, клир и верующие к внешним и внутренним трансформациям, одним из проявлений которых стало изменение юрисдикции западно-украинских епархий? Совершенно очевидно, что это стало судьбоносным вызовом, а решение каждого из них часто вступало в противоречие с собственной совестью, чувством долга и достоинства и личными мировоззренческими и политическими ориентирами.

Однако судьба готовила Православной церкви еще одно испытание. Нападение Германии и ее союзников на СССР, быстрая оккупация огромной части территории, в том числе всей Украине, снова резко изменили общественно-политическую конфигурацию, при которой духовенство встало перед выбором, ценой которого могла стать жизнь.

Создание нескольких административно-территориальных единиц на захваченных немецкими войсками украинских землях в очередной раз актуализировало вопрос об управлении Православной церковью.

В Берлине не имели четкого представления о том, каким образом организовать жизнедеятельность религиозных объединений. Однако, осознавая потенциал Православной церкви, оттуда сначала присылали довольно умеренные директивы. Так, один из руководителей СД Гайдрих призвал «не предпринимать никаких действий против стремления Православной церкви к распространению своего влияния на массы. Напротив, следует это поощрять, настаивая по этому случаю на отделении Церкви от государства, но надо избежать создания унифицированной Церкви»¹⁰.

В этом и других документах прослеживается расчет на то, что Православная церковь как единственная негосударственная структура, пользовавшаяся авторитетом у местного населения, станет послушным и эффективным инструментом его мобилизации на выполнение предписаний оккупационной администрации. На самом деле оккупационные власти явно переоценивали возможности Православной церкви. Атомизированная и деморализованная, она не могла сразу восстановить все свои структурные звенья и выполнять функции, которые на нее возлагались.

Основные принципы политики немецкой администрации конкретизировались в многочисленных директивах, циркулярах, инструкциях. К примеру, 18 ноября 1941 г. А. Розенберг направил рейхс-комиссару Украины Е. Коху инструкцию, в которой содержалось указание о запрете церквям и сектам заниматься политикой и делать публичные заявления. Епископы должны были являться не предста-

---

¹⁰ Цит. по: Осадчук П. Секретна справа рейху. ОУН–УПА в донесеннях німецької розвідки // Віче. 1992. № 4. С. 141.

вителями интересов украинского народа, а фактически чиновниками, назначаемыми министерством восточных территорий¹¹.

13 мая 1942 г. появилось распоряжение рейхсминистра восточных территорий, в котором отмечалось, что церковный организм должен был структурно соответствовать военно-административным единицам: границы епархии ограничивались территорией одного генерального округа. Предусматривалась возможность существования в округе двух епархий – Автономной и Автокефальной православной церквей. Появление двух православных иерархий стало воплощением существующих не только в среде духовенства, но и в обществе тенденций, связанных с украинизацией Церкви, получением ею независимости от РПЦ. Летом 1941 г. часть епископата, который перешел под омофор Московской патриархии, создала Автономную православную церковь, которую возглавил Алексей (Громадский). Те архиереи, которые отстаивали идею автокефалии украинского православия, в феврале 1942 г. на соборе в Пинске провозгласили создание УАПЦ, а также ее органическую связь с УАПЦ формации 1921 г. С целью решения вопроса внутреннего устройства и подчинения УАПЦ А. Розенберг санкционировал назначение епископа Поликарпа (Сикорского) «временным администратором Православной автокефальной церкви на освобожденных землях Украины», поскольку митрополит Дионисий не мог из Варшавы управлять делами в РКУ, а перемещение между различными зонами оккупации ограничивалось.

Разыгрывая сложную интригу в расчете на тотальный контроль за религиозной жизнью, немецкое руководство возвело в сан митрополита архиепископа Серафима (Ляде) и назначило его главой всех православных в III Рейхе и на захваченных территориях. По уже указанным причинам Серафим (Ляде) не имел возможности осуществлять такие функции, поэтому такая идея оказалась фикцией.

Сформировав правовое поле, в котором должны действовать православные институты, Берлин надеялся, что именно в нем и будут функционировать существующие православные объединения. Однако, декларируя лояльность к оккупационным властям, далеко не все архиереи оказались послушными исполнителями немецких предписаний. Движение за возрождение УАПЦ с патриаршим строем, самой яркой фигурой в котором являлся архиепископ Холмский и Подляшский Илларион, приобрел очертания, при которых выразительные политические компоненты, по убеждению немецких чиновников, представляли угрозу для интересов III Рейха. В подготовленном этим церковным и общественным деятелем «Мемориале о будущем

---

¹¹ Косик Володимир. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. Париж; Нью-Йорк; Львів, 1993. С. 187.

устройстве Украинской Православной Церкви» (31 августа 1941 г.) отмечалось, что УАПЦ должна стать основой возрождения¹².

Между тем архиепископ Алексей (Громадский) вместе со своими сторонниками сформировал собственную концепцию, согласно которой Украинская православная церковь должна была развиваться на автономных началах под юрисдикцией Московской патриархии.

Автокефальное движение получило еще одно крыло в форме Всеукраинского православного церковного совета (ВПЦР). Один из руководителей этого учреждения П. Рыбачук так обозначил ее позицию: «Украинская церковь должна быть не только религиозным, но и политическим центром, задача которого – вести борьбу за независимую Украину и воспитывать украинцев в национальном духе»¹³. Благодаря ВПЦР, движение за украинизацию Православной церкви получило распространение в массах.

Разное видение перспектив развития православия в новых условиях привело к обострению противоречий между автономистскими и автокефальными архиереями, которые к весне 1942 г. вышли чуть ли не на личный уровень. В дело даже вмешался митрополит Греко-католической церкви Андрей Шептицкий, который призвал православных владык к согласию. В Автокефальной церкви не хватало архиереев, поэтому единственным возможным способом решения этой проблемы считалось их рукоположение. На архиерейском соборе в Пинске 8–10 февраля 1942 г. состоялась хиротония трех епископов: Никанора (Абрамовича), Игоря (Губу) и Юрия (Коренистова). Сначала автономисты, а после возвращения советской власти и архиереи РПЦ называли вновь посвященных владык «самосвятами».

Почувствовав выразительную политизацию автокефального движения, немецкие власти 11 февраля 1942 г. распустили ВПЦР, а П. Рыбачука вскоре арестовали.

С июня 1942 г. в отношениях между руководителями АПЦ и УАПЦ наступили существенные изменения, вызванные обоюдным стремлением прекратить распри и сделать шаг навстречу. В результате консультаций, несмотря на запреты оккупационной администрации, 8 октября 1942 г. митрополит Алексей, архиепископ Никанор и епископы Мстислав в Почаеве подписали «Акт объединения» двух Церквей. Однако автономистский епископат оказал давление на Алексея, в результате чего он отозвал свою подпись под «Актом». Еще одной причиной такого шага стали действия немецких властей, потребовавших дезавуировать документ.

---

¹² Міненко Т. О. Православна Церква в Україні під час Другої світової війни 1939–1945: (Волинський період). Вінніпег, Львів, 2000. Т. 1. С. 229.

¹³ ЦДАВО України. Ф. 3676. Оп. 4. Спр. 474. Арк. 329.

Заместитель рейхскомиссара Даргель вызвал поочередно Алексея и Мстислава и выразил резко негативную оценку решений Почаевского собрания. Мстиславу запретили покидать пределы своей епархии, а после арестовали и содержали в тюрьмах Киева, Житомира, Чернигова, Прилук, пока он письменно не пообещал отстраниться от политических дел¹⁴.

Таким образом, в результате сочетания объективных и субъективных факторов шанс для формирования единой Православной церкви в Украине реализовать не удалось. Если сначала Берлин поддерживал УАПЦ за антибольшевистскую ориентацию, то впоследствии ее отчетливо «самостийницькая» позиция была воспринята как неизмеримо более реальная угроза гитлеровским планам, и для баланса сил оккупанты стали больше поддерживать автономистов, в то время как автокефалисты ощущали все возрастающее давление.

Кроме сложных отношений с оккупантами, деятели АПЦ и УАПЦ должны были считаться также с рядом других, причем разновекторных, факторов. Речь идет о советских партизанах и подпольщиках и украинском национально-освободительном движении. Нежелание священнослужителей сотрудничать с теми или иными нередко стоило им жизни. Поэтому каждый делал свой выбор сам.

Возвращение советской власти вновь поставило православное духовенство перед выбором. Те, кто сразу не попал в лапы спецслужб, должны были пройти процедуру учета и регистрации, отказа от принадлежности к обновленной или автокефальной иерархии, покаяться и перейти под омофор Московской патриархии. Некоторые выбрали эмиграцию, а кто-то вообще отказался от пастырской стези.

Подытоживая вышеизложенное, следует констатировать, что конфликтная зона между «большими» конфессиями и правящими режимами на территории Украины военной поры охватывала практически все сферы их функционирования.

Прежде всего, речь идет о ментальных и идеологических различиях в мировоззренческих принципах христианства, с одной стороны, и различных форм авторитаризма и тоталитаризма – с другой. Расовая идеология нацизма и классовая – большевизма вступали в противоречие с христианским вероучением в вопросах, определявших основы функционирования общества. Отказывая в праве на существование отдельным этническим, социальным и политическим группам, тоталитарные режимы тем самым ставили под сомнение равенство всех людей перед Богом. В случае с евреями речь шла об уничтожении нацистами огромной этноконфессиональной общности.

---

¹⁴ ЦДАВО України. Ф. 3676. Оп. 4. Спр. 476. Арк. 970.

Тоталитарные режимы делали практически невозможными нелегальные формы социальной активности. А такие разветвленные структуры, как большие конфессиональные объединения со специфическим обрядовым форматом в условиях тотального контроля не могли избежать внимания со стороны спецслужб. В этих условиях «большие» церкви альтернативу исчезнуть или сосуществовать с властями решили в пользу последней, причем этот выбор следует оценивать, исходя не из моральных, а из канонических позиций, согласно которым Церковь обязана повиноваться любой власти.

Другое дело, что алгоритм этих отношений и их содержание диктовали власть имущие. Путем принуждения и шантажа они принуждали духовенство к действиям, которые трудно оценить однозначно вне четкого осознания того, что тоталитарные режимы пытаются превратить религиозные объединения в один из мобилизационных инструментов, – некое приложение к государственному механизму.

Война до предела кристаллизовала проблему выбора между жизнью и смертью не только на индивидуальном, но и на групповом, корпоративном уровне. При этом принадлежность к какой-то из социальных, мировоззренческих, политических когорт сопровождалась реальной угрозой для жизни. При таких обстоятельствах необходимо установить, насколько Церковь выполнила свою миссию стать прибежищем для гонимых и бесправных своих чад, обезопасить их от ударов судьбы, амортизировать последствия войны и пагубные действия властей и насколько последние помешали ей это сделать.

В связи с этим находится проблема характера отношений между религиозными организациями и властью. Ученым еще предстоит определить, насколько сотрудничество Православной церкви с оккупационным режимом превращалась в то, что подвергалось уголовной квалификации и предусматривало соответствующее наказание. Чрезвычайно важно очертить границы моральной ответственности духовенства, действовавшего в экзистенциальном «прокрустовом ложе» всевозможных ограничений и предостережений.

Война поставила перед необходимостью выбора не только Православную церковь, но и каждого священника и рядового верующего.

Вера во времена тотальных страданий и банализации смерти давала духовную опору и питательным бальзамом лечила раны болезненных потерь и разочарований, давала воодушевление в борьбе, стойкость и мужество.

Рядом и одновременно с этим существовали разочарование и страх, предательство и шкурничество, эгоизм и черствость, душевная слепота и глухота. Человечество еще раз – как никогда, во всей отталкивающей открытости, продемонстрировало иммунодефицит к насилию, подлости, соблазну сохранить собственную жизнь ценой жизни других.

Но разве Церковь виновата в этом?